

«На пользу всех и каждого» (Екатерина II и основание Российской национальной библиотеки)

*Нужно просвещать нацию,
которой должен управлять.
Екатерина II**

Скончалась императрица Екатерина II. 6 (17) ноября 1796 г. российский престол опустел. Вместе с ней в России уходил в прошлое XVIII в., начавшийся реформами Петра I и получивший завершение правлением Екатерины II. Век перемен, надежд, удачных свершений. Век просвещения и войн, мятежей и революций, когда рушились королевские престолы, менялись границы государств, рассеивались исторические иллюзии. Все это причудливым образом сказалось на истории «первенствующего книгохранилища» России — ее национальной библиотеки, основание которой связано с именем Екатерины II.

За несколько дней до своей кончины среди прочих распоряжений, оказавшихся последними, императрица повелела продолжить отпуск средств на строительство здания, за возведением которого она пристально следила. Здание сооружалось в людном месте столицы, на пересечении Сенной (Большой Садовой) улицы и Невского проспекта. Выбор места определялся особым назначением будущего сооружения. Здесь, в центре «народного течения» (М.Н. Загоскин), по воле Екатерины II должна была разместиться библиотека, возведение которой не только ставило Петербург вровень с другими европейскими столицами, но и, в известном смысле, выдвигало его вперед.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) сохранился чертеж фасада здания Библиотеки (автор проекта архитектор Е.Т. Соколов), на котором рукою статс-секретаря Кабинета Ее Императорского Величества В.С. Попова на плане среднего этажа начертано: «Высочайше апробован Маія 16 дня 1795 года» (1) (день, от которого ведется отсчет истории Российской национальной библиотеки).

«Монаршее одобрение» послужило сигналом к немедленным действиям. Уже через два дня в

Циля Иосифовна Грин,
кандидат
исторических наук,
старший научный сотрудник
Российской
национальной библиотеки

* Записки императрицы Екатерины Второй. — С.-Пб., 1907. — С. 647.

познания российской истории», словаря русского языка, учебных пособий), организация школы, содействие получению читателями практических и научных знаний. Авторы проекта надеялись, что появление в Петербурге «Публичной Российской библиотеки» «подаст охотникам способ к беструднему заведению и собранию у себя полных российских библиотек» (13).

Ссылаясь на пример созданного годом ранее Вольного экономического общества, авторы проекта просили Екатерину II придать и их предприятию характер «вольного установления». Библиотека, по их предложению, должна была существовать за счет взносов сограждан «всякого звания и всяких наций» (не делались ограничения и для женщин). Тем, кто вносил ежегодный пай от 5 рублей и выше и получал членские билеты, предоставлялось преимущественное право пользования библиотекой (для остальных жителей Петербурга она была бы открыта два раза в неделю).

Судьба проекта 1766 г., интересного прежде всего тем, что в нем названы цели и задачи будущего национального книгохранилища России — собирать с возможной полнотой отечественные книги и рукописи, хранить и изучать их, предоставлять в пользование, — до конца не прояснена. Однако последние архивные находки позволяют опровергнуть широко распространенное мнение о том, что Екатерина II оставила без внимания проект А.С. Строганова и его друзей (14). В бумагах тайного советника С.М. Козмина, секретаря Екатерины II, найден не только считавшийся пропавшим оригинал «Плана Российской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге» (15), но и черновик письма Козмина Строганову от 11 сентября 1768 г. Выполняя указания Екатерины II, Козмин просит напомнить императрице, кто будет «производителем одного плана», почему не явились для «конфирмации», есть ли еще потребность в монаршем волеизъявлении и если нет, то по какой причине «прошение сие отменяемо» (16). Письмо дошло до Строганова, который в тот же день пишет ответ Козмину. Разъяснение Строганова, что «сочинителем сего полезного прожекта» и его будущим «производителем» был Б.М. Салтыков, уволенный к этому времени от дел (почитатель Вольтера и вольнодумец Салтыков оказался неудобным за своемыслие и строптивость), возможно, охладило возникший к проекту интерес

Российская национальная библиотека. г. Санкт-Петербург.

наш взгляд, глубокая мысль о том, что во время Екатерины II «всякая культурная деятельность ... являлась прямым участием в созидании ударства» (8). Правление Екатерины II стало эпохой государственного просвещения не только потому, что сама императрица была центральной фигурой просвещения, творцом мифологии культуры, но и само просвещение рассматривалось ею как элемент укрепления российского государства, придания ему характера «освященной монархии».

Читающая публика, процветающие дворяне в это время составляли в России еще небольшую часть населения. В то время практические предпосылки для организации национальной библиотеки уже существовали. Государство испытывало потребность в расширении класса образованных людей, в новом поколении чиновников «из молодых и толковых», законопослушных, но в то же время просвещенных.

Петр I, «прорубив окно в Европу», включил Россию в общеевропейский исторический процесс. Век Просвещения в Европе, политические перемены способствовали росту национального самосознания, обостряли связанные с ними проблемы сохранения культурной памяти нации, изучения ее исторических корней. Решение создать в России национальную библиотеку возникло у Екатерины II на фоне ее усиленных занятий русской историей, поиска новых исторических источников, их осмысления — в свете открывшихся ранее неизвестных обстоятельств. М.И. Антоновский, излагая мысли Екатерины II, писал, что будущая библиотека предназначена также «для почерпнутия одной наипревосходнейшего сочинения — и ныне ожидаемого Россией — российской древних и средних времен истории. О ... пользе для России таковой истории никто, кроме совершенных невежд, сомневаться не будет» (9).

XVIII в. укрепил в нашем Отечестве идущий из Древней Руси обычай заводить личные библиотеки. Во времена Екатерины II они появляются во многих аристократических и богатых домах. В «Санкт-Петербургских ведомостях» все чаще начинают печататься многочисленные объявления книготорговцев — покупателям предлагаются как русские книги, так и переводы сочинений иностранцев. Екатерина II сама была великим книголюбом, заботилась о пополнении своей библиотеки, регулярно знакомясь с книж-

ными новинками, в чем ей помогал И.И. Бецкой, штатный чтец императрицы. В написанной ею самой эпитафии (1778) отмечено, что она страстилась к чтению книг в первые 18 лет пребывания в России (10). По распоряжению Екатерины II были приобретены библиотеки Вольтера, Дидро и — для цесаревича Павла Петровича — библиотека барона И.-А. Корфа, богатая научными сочинениями. Но ни частные, ни дворцовые библиотеки не могли кардинально решить проблем государственного просвещения.

Возникла потребность в библиотеках, принадлежащих обществу и его обслуживающих. Библиотека Академии наук — в силу ведомственного назначения — тоже не могла «генерально» решить проблему обслуживания читателей «всякого рода и звания». Шли поиски путей, которые могли бы приблизить к этой цели, приобретшей государственную значимость. В 1764 г. в уставе Академии художеств, утвержденном Екатериной II, Академии было предписано «иметь публичную библиотеку, при которой содержать из числа академиков искусного библиотекаря, дозволяя и посторонним в назначенные дни и часы ходить в оную и пользоваться как чтением книг, так и выписыванием всего, что каждый найдет для себя нужного или по любопытству своему примечания достойного» (11).

В 1766 г. граф А.С. Строганов, известный покровитель искусств, владелец художественного собрания и библиотеки, видный государственный сановник, представил на рассмотрение Екатерины II проект «Плана Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге» (12). Разработанный по инициативе Б.М. Салтыкова, проект выражал коллективное мнение А.С. Строганова и его ближайшего окружения, озабоченного сохранением исторического наследия России, а также состоянием в ней просвещения (сопроводительное к проекту письмо на имя императрицы подписали 19 человек).

Согласно этим документам, цель библиотеки — «распространение и процветание русского языка». Пути для ее достижения предлагались разные: создание хранилища «всех книг и тетрадок российских, светских и духовных, печатных и писанных», выдача книг для чтения на дом под заклад, издательская деятельность (издание «древних летописцев» для «основательного

основательного

Екатерина II. Гравюра Г. Скородумова

познания российской истории», словаря русского языка, учебных пособий), организация школы, содействие получению читателями практических и научных знаний. Авторы проекта надеялись, что появление в Петербурге «Публичной Российской библиотеки» «подаст охотникам способ к беструднему заведению и собранию у себя полных российских библиотек» (13).

Ссылаясь на пример созданного годом ранее Вольного экономического общества, авторы проекта просили Екатерину II придать и их предприятию характер «вольного установления». Библиотека, по их предложению, должна была существовать за счет взносов сограждан «всякого звания и всяких наций» (не делались ограничения и для женщин). Тем, кто вносил ежегодный пай от 5 рублей и выше и получал членские билеты, предоставлялось преимущественное право пользования библиотекой (для остальных жителей Петербурга она была бы открыта два раза в неделю).

Судьба проекта 1766 г., интересного прежде всего тем, что в нем названы цели и задачи будущего национального книгохранилища России — собирать с возможной полнотой отечественные книги и рукописи, хранить и изучать их, предоставлять в пользование, — до конца не прояснена. Однако последние архивные находки позволяют опровергнуть широко распространенное мнение о том, что Екатерина II оставила без внимания проект А.С. Строганова и его друзей (14). В бумагах тайного советника С.М. Козмина, секретаря Екатерины II, найден не только считавшийся пропавшим оригинал «Плана Российской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге» (15), но и черновик письма Козмина Строганову от 11 сентября 1768 г. Выполняя указания Екатерины II, Козмин просит напомнить императрице, кто будет «производителем одного плана», почему не явились для «конфирмации», есть ли еще потребность в монаршем волеизъявлении и если нет, то по какой причине «прошение сие отменяемо» (16). Письмо дошло до Строганова, который в тот же день пишет ответ Козмину. Разъяснение Строганова, что «сочинителем сего полезного прожекта» и его будущим «производителем» был Б.М. Салтыков, уволенный к этому времени от дел (почитатель Вольтера и вольнодумец Салтыков оказался неудобным за своемыслие и строптивость), возможно, охладило возникший к проекту интерес

Российская национальная библиотека. г. Санкт-Петербург.

рины II. Не помогла и готовность Строганов принять на себя хлопоты по устройству библиотеки при содействии лиц, «которые с охотою кое полезное дело взяться пожелают» (17). Ему мысль о необходимости собрать книги, многие в России, Екатерина II не ставила. Современники связывали отношение Екатерины II к этому предложению с ее «беспременным попечением о просвещении подданных» (18). И же 1768 г., когда был сделан запрос Строну, Екатерина II издала распоряжение «со всем из всех находящихся в России типографий лучшие книги» и составить из них придворную библиотеку «для чтения находящимся при Высочайшем дворе и ливрейным служителям» (19). Библиотека существовала при Эрмитаже, находившись со времени Александра I «в ведении и смотре камер-фурьера». В бумагах того времени именуется «Российской библиотекой» в заклейку цели, которую ставила Екатерина II при организации, — приохотить чиновников двора к чтению книг на русском языке, к чтению отечественной печати.

Императрица сознательно выдвигала на первый план российские культурные и политические приоритеты (20). В несколько парадоксальной форме об этой особенности правления Екатерины II высказался П.А. Вяземский в письме к А.Батюшкову (январь 1812 г.): «Великий Росс сделал нас немцами, а Великая Немка хотела сделать нас русскими» (21).

Планам создания в России библиотеки — национального книгохранилища и одновременно открытой, публичной библиотеки — в середине 1790-х гг. был придан государственный масштаб. Главная библиотека должна была символизировать великую и духовную мощь российского государства.

Поход русской армии в Польшу, штурм Варшавы Суворовым сопровождался взятием «военных трофеев», среди которых была и приобретенная в Петербург по указанию Екатерины II библиотека братьев Анджея-Станислава (1695—1768) и Юзефа-Анджея (1702—1774) Залуских (22). Польские аристократы, церковные и государственные деятели Залуские были страстными и приобретательными собирателями книг. Особенно жалел средств и трудов младший брат Юзефа — в связи с книготорговцами и библиотеками западноевропейских стран, возможность инспектировать «с пристрастием» монастырские библиотеки, по свидетельству очевидцев, «премного» способствовали умножению их книжного и рукописного собрания. К моменту конфискации библиотеки Залуских русскими войсками (распоряжение Екатерины II Суворову отдано 21 ноября 1794 г.) (23) она находилась в собственности польского государства и стала основой открытой библиотеки в Варшаве Публичной библиотеки.

О книжном собрании Залуских ходило много легенд. Современников оно поражало не только размерами, но и книжными редкостями, обилием старопечатных изданий, богатым подбором европейской книги XVII—XVIII вв., удивительным собранием рукописей.

Памятуя о ценности библиотеки Залуских, Екатерина II приказала принять меры к обеспечению ее сохранности. В распоряжение Суворова 22 января 1795 г. было отправлено 30 000 рублей серебром, выделены люди, разработан маршрут следования груза (24). В организации доставки библиотеки Залуских в Петербург (сначала на подводках до Риги, затем морем на специально арендованных судах (галиотах) — в столицу), по распоряжению Екатерины II, принимали участие многие высокопоставленные лица, которые наблюдали за финансированием перевозок, обеспечением сохранности передвижения ящиков с книгами (В.С. Попов, граф П.А. Зубов, барон К.И. Мейендорф, граф И.А. Остерман, русский резидент в Варшаве барон И.Ф. Аш) (25). С владельцев судов и шкиперов, перевозивших ящики с книгами морем, брались расписки о том, что их галиоты прочны и надежны «как строением, так и снастью», а сами они обязуются доставить груз «со всей бережливостью и крайнею осторожностью», сберегая «от подмочки, огня и от всякого другого небрежения». От ответственности за пропажу книг судовладельцев могли спасти лишь «гром и бури, невзирая на все старания, искусство и осторожность шкипера» (26).

В самом Петербурге, как уже говорилось, шло строительство здания, специально сооружаемого для размещения библиотеки.

2 июля 1795 г. Г.Р. Державин писал В.С. Попову: «Милостивый государь мой Василий Степанович! Слух по городу идет, что варшавская библиотека перевезена сюда и отдана под ведение Вашего превосходительства Кабинету. Я думаю, для разобранья и содержания оной в порядке надобны способные люди» (27). Неизвестное ранее исследователям письмо Державина свидетельствует, что не только военные и чиновники, имевшие по долгу службы отношение к этой новости, но и высшее петербургское общество проявляло интерес к судьбе библиотеки Залуских. Державин и сам готов помочь в благоприятном решении будущего этой библиотеки. Он рекомендует Попову капитана Евграфа Озерова, служившего при нем переводчиком и знавшего «немецкой, французской, латинской, аглинской, италийанской языки и часть греческого, на первых двух и по-русски пишет изрядно, имеет при том склонность рыться в книгах. Поведения весьма хорошего, благоденствен и честен. Не угодно ли будет Вашему превосходительству употребить его при помянутой библиотеке». Сохранился аттестат капитана Евграфа Озерова, выданный ему Державиным 20 марта

1795 г.: «... вступил ко мне 1793 года мая 28 дня, исчислялся в ведомстве Кабинета, отправляя должность переводчика на разных европейских языках, оказывал себя в препоручаемых ему делах всегда искусным, рачительным и расторопным, в поведении похвальным, чем и заслужил себе по справедливости похвалу». Попов, которому Екатерина II поручила не только наблюдение за строительством здания, но и за приемом книг, их разбором, учетом, дальнейшим их устройством, согласился с рекомендацией Державина. По его представлению Екатерина II издала 9 октября 1795 г. указ о привлечении Евграфа Озерова к разбору книг (28).

Знаниями многих языков, образованностью отличались и другие чиновники Кабинета, прикомандированные по указанию императрицы к библиотеке (Егор Бочаров, Иван Богданов, Андрей Мольнер, Христиан Рейнгардт, Александр Бутович, Иван Романовский и др.). 18 июля 1795 г. «первоначальное устройство Варшавской библиотеки» поручено Е.А. Киришбауму, окончившему университет (29). Попов еженедельно докладывал Екатерине II о ходе разбора библиотеки Залуских. А 9 октября 1795 г. она подписала высочайшее повеление «о наградах чиновникам, состоящим при Библиотеке из Варшавы привезенной», установив им должное денежное вознаграждение.

Среди чиновников Кабинета, определенных к «помянутой библиотеке», был и М.И. Антоновский (1759—1816), один из просвещеннейших русских людей XVIII в., почитатель Суворова, издавший его «Науку побеждать» (30). Антоновский был летописцем событий, относящихся к первым годам существования Российской национальной библиотеки, автором многих докладов, «мнений», записок, в которых развивал идеи и наставления Екатерины II. Императрица, писал Антоновский, «не оставила обратить прозорливого внимания своего и на такой недостававший еще в России важный источник народного просвещения, который составляют публичные государственные библиотеки, или открытые для всех книгохранилища» (31).

Планы Екатерины II известны и из бумаг В.С. Попова. «Ее Императорское Величество изволила возложить на меня сооружение дома и учреждение в оном государственной публичной библиотеки», — писал он в марте 1796 г. (32).

Из Камер-фурьерского церемониального журнала за 1795 г. также видно, что в апреле и первой половине мая, в дни, когда принималось высочайшее решение о возведении специального здания для размещения Библиотеки, призванной стать национальной, Екатерина II почти ежедневно в разных ситуациях виделась с А.С. Строгановым. Поэтому у нас есть все основания доверять Строганову, когда он утверждал, что «бывшая Залюцкая библиотека» с самого начала была назначена Екатериной II «для общественной пользы» (33).

О необычном характере новой библиотеки писал позднее и А.Н. Оленин: «Сие заведение, доселе в России единственное в своем роде», открыто «для всех состояний народа» (34).

Разбор привезенной из Варшавы библиотеки Залуских был закончен в мае 1798 г. После учета потерь, которых не удалось избежать как в самой Варшаве, так и в пути, выяснилось, что в Петербург было привезено около 250 тыс. томов, что еще раз подтвердило репутацию библиотеки братьев Залуских как крупнейшей в Европе. Но в силу разного рода причин, в том числе экономических и политических, с середины 60-х гг. XVIII в. книжное собрание Залуских перестало регулярно и систематически пополняться. Среди привезенных книг почти отсутствовали также книги на русском языке (по разным подсчетам, их было всего от 8 до 29 названий, включая и издания на церковно-славянском). Намерение Екатерины II слить библиотеку Залуских с дворцовыми библиотеками, в частности с книжными собраниями Вольтера, Дидро, Корфа, не могло решить ни задачи обновления фондов, ни придания им национального

рактера. Государственная публичная библиотека, справедливо указывал Попов со ссылкой на решение Екатерины II, может быть таковой с «обязательным присовокуплением всех российских книг и иностранных, издаваемых с 1764 года» (35). Позицию Екатерины II энергично поддерживал не только Попов, но и Антоновский. Обращаясь к Екатерине II, он писал: «А как нужно, кажется, и честь России того требует, дабы в открытой публичному употреблению в России библиотеке были и лучшие изданные уже и на русском языке книги» (36).

Так уже к началу XIX столетия было четко определено главное назначение Публичной библиотеки — быть библиотекой национальной, хранилищем всех произведений отечественной печати и памятников письменности, а сам фонд русской книги рассматривать как начало начал библиотеки.

Из документов Попова известно, что Библиотеку собирались открыть 22 сентября 1797 г. (37). Смерть Екатерины II, перемены на российском престоле, отстранение Попова и Антоновского от дел, нечеткая позиция графа Шуазеля-Гуфье, в ведение которому были переданы императорские библиотеки, в том числе и Публичная, могли привести к непоправимым последствиям. Лишь назначение А.С. Строганова в январе 1800 г. генеральным директором дворцовых библиотек, включая и новую библиотеку, его хлопоты и настойчивость «сохранили бытие» Библиотеки. Строганов потребовал оставить за Публичной библиотекой построенные для нее здания, приостановил начавшуюся раздачу книг из библиотеки Заурских в другие библиотеки, добился выделения Публичной библиотеки из числа дворцовых и придания ей того статуса, который был определен Екатериной II.

К замыслам покойной императрицы Строганов был особенно внимателен. В них он видел воплощение своих планов и планов своих друзей, которые не удалось осуществить в 1760-е гг. Поэтому уже в одном из первых своих приказов в соответствии с волей Екатерины II он именуется новой библиотеку «Императорской Публичной библиотекой», подчеркивая ее принадлежность Российскому государству (38). Распределяя обязанности между служащими Библиотеки, Строганов возложил на Антоновского соби́рание, прием и закупку «всех на русском и славянском языке книг и рукописей, для помещения оных ради чести нации в первом месте между прочими книгами иностранных языков». Одну из главных своих целей Строганов видел в том, чтобы Библиотека «в непродолжительном времени могла быть выставлена для публичного употребления» (39).

Следуя «образцу знатнейших публичных библиотек Европы», национальная библиотека России в известном смысле пошла дальше и опередила вре-

мя. Национальные библиотеки, существовавшие в Европе, не стремились в XVIII в. к обслуживанию читателей, не ставили это своей целью. Библиотека же, учрежденная в Петербурге в 1795 г., была изначально рассчитана «для употребления всех и каждого». «Российская открытая», «государственная публичная», «императорская публичная» — так именуется Библиотека в документах конца XVIII и начала XIX столетия.

«Я — инициаторша по профессии», — так однажды Екатерина II сказала о своем назначении в этом мире (40). И хотя она была недовольна судьбой многих своих начинаний, организация в России национальной библиотеки принадлежала к числу удачных.

В 1914 г. отмечалось столетие со дня открытия Публичной библиотеки для читателей, и участники торжеств напомнили о решающей роли Екатерины II не только в создании Библиотеки, но и в определении ее назначения: «Великая государыня наметила тот идеал, к которому неуклонно и постоянно стремится Императорская Публичная библиотека: стать хранилищем всего, что внесли русские люди в общечеловеческую сокровищницу науки и литературы, и служить «всем и каждому» (41).

Антоновский еще в 1796 г. предложил изготовить для новой библиотеки штемпель, представляющий собой вензель из трех латинских букв — «P.V.C.», что полностью означает: «Publica Bibliotheca Catheriana», «сиречь открытое книгохранилище Екатерининское» (42). Если бы замысел Антоновского осуществился, то заслуги Екатерины II получили бы зримое подтверждение и в названии Российской национальной библиотеки.

В силу исторических особенностей России ее национальное книгохранилище изначально было задумано одновременно как библиотека публичная, общедоступная. Менялось время, менялись условия, в которых существовала Библиотека. Но девиз был и остается прежним — «На пользу всех и каждого».

Примечания

1. ОР РНБ. Ф. 40, ед. хр. 301. Л. 1.
2. Санкт-Петербург. ведомости. — 1795. — 18 мая. — (№ 40). — С. 854.
3. Арх. РНБ. Ф. 1. Оп. 1, ед. хр. 1. Л. 11. См. также: Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, бывшего января 2 дня 1814 года ... — СПб., 1814. — С. 153.
4. Антоновский М.И. Записки Михаила Антоновского // Рус. арх. — 1885. — Кн. 1. — С. 176.
5. В делах статс-секретаря Екатерины II Д.П. Троцинского за 1793—1796 гг. сохранились сведения о том, в какую форму облакался Екатерина II 1 119 дел. Указов по ним дано 496, «конфиден-

- ций» — 136, «высочайших повелений» (устных или «в письмах») — 487. Данные сообщены историком, сотрудником РНБ Ю.С. Афанасьевым (1930—1998), проводившим по заданию дирекции Библиотеки планомерное обследование фондов Российского государственного архива древних актов в Москве (РГАДА) и нашедшим здесь ряд документов, относящихся к начальной истории РНБ. Некоторые из них использованы в статье.
6. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109, ед. хр. 53698. Л. 1—4.
  7. ОР РНБ. Ф. 40, ед. хр. 301. Л. 2.
  8. *Ходасевич В.Ф.* Державин. — М., 1988. — С. 248.
  9. *Антоновский М.И.* Указ. соч. — С. 176.
  10. Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Рус. арх. — 1878. — Кн. 3. — С. 41.
  11. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7 (ч. 2). Л. 178 об.
  12. Библиогр. зап. 1861. Т. 3, № 3. Стб. 71—79; См. также: *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Публичная библиотека глазами современников (1795—1917). Хрестоматия. — СПб., 1998. — С. 29—34.
  13. *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Указ. соч. — С. 33.
  14. История Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Л., 1963. — С. 12.
  15. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1, ед. хр. 257. Л. 3—11.
  16. *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Указ. соч. — С. 35—36.
  17. Библиогр. зап. 1861. Т. 3, № 3. Стб. 79—80; См. также: *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Указ. соч. — С. 36.
  18. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. III, ед. хр. 56284. Л. 1.
  19. Там же.
  20. См.: Реформы и власть: От самодержавия к Советской власти в России. — СПб., 1996. — С. 166—167; См. также: *Рахматулин М.А.* Непоколебимая Екатерина // Отеч. история. — 1996. — № 6. — С. 18—47; 1997. — № 1. — С. 13—26.
  21. Цит. по кн.: *Кошелев В.А.* Константин Батюшков. — М., 1987. — С. 133.
  22. *Мыльников А.С.* Из истории основания Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина // Библиотеки СССР: Опыт работы: Вып. 25. — М., 1964. — С. 117—130.
  23. ОР РНБ. Ф. 755: А.В. Суворов. Т. 1. Л. 157—164; См. также: *Дьяков В.А., Штакельберг Ю.И.* Варшавские трофеи // Родина. — 1994. — № 12. — С. 41—42.
  24. ОР РНБ. Ф. 755: А.В. Суворов. Т. 1. Л. 143.
  25. РГИА. Ф. 468. Оп. 1, ед. хр. 4029. Л. 48—48 об.; ед. хр. 4030. Л. 81, 343—347.
  26. *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Указ. соч. — С. 40—41.
  27. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109, ед. хр. 52673. Л. 3—3 об.
  28. Там же, ед. хр. 52034. Л. 2—2 об.
  29. Там же, ед. хр. 52557. Л. 2—3.
  30. Подробнее о нем см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. — СПб., 1995. — С. 54—58.
  31. Арх. РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1797, ед. хр. 1. Л. 1.
  32. ОР РНБ. Ф. XVIII, ед. хр. 32. Л. 8. См. также: Рус. арх. 1865. № 1. Стб. 217—218.
  33. Арх. РНБ. 1797. Оп. 1, ед. хр. 1. Л. 24.
  34. Описание торжественного открытия Имп. Публичной библиотеки, бывшего января 2 дня 1814 года... — СПб., 1814. — С. 127; Отчет Имп. Публичной библиотеки... за 1814 год. — СПб., 1815. — С. 5.
  35. ОР РНБ. Ф. XVIII, ед. хр. 14. Л. 18.
  36. Там же, ед. хр. 32. Л. 8.
  37. Рус. арх. 1865. № 1. Стб. 218.
  38. Арх. РНБ. 1797. Оп. 1, ед. хр. 1. Л. 24, 55.
  39. Там же. Л. 52.
  40. Цит. по кн.: *Валишевский К.* Роман одной императрицы: Екатерина Вторая по ее зап., письмам и неизд. документам гос. арх. — М., 1910. — С. 77.
  41. *Чечулин Н.Д.* Речь, произнесенная на торжественном праздновании столетия Императорской Публичной библиотеки, 2 янв. 1914. — Пг., 1914. — С. 1.
  42. ОР РНБ. Ф. XVIII, ед. хр. 32. Л. 4.